

Е.В. Суровцева

Тема поэта и поэзии в романе «Жизнь и смерть Михаила Лермонтова» Г.Д. Гулия

Аннотация: В статье анализируется роман Г.Д. Гулия «Жизнь и смерть Михаила Лермонтова» в контексте беллетризованных жизнеописаний. Основная тема книги – тема искусства. Гулия воссоздает канву жизни М.Ю. Лермонтова, но предлагает и свое уникальное видение темы «поэт и поэзия», в котором сочетаются и отсылки к Библии и христианской традиции, и философские рассуждения о природе творчества и судьбе творца, и описание своего личного духовного опыта.

Ключевые слова: Гулия, Лермонтов, беллетризованное жизнеописание, поэт и поэзия

Summary: In the article the novel «Life and Feath of Mikhail Lermontov» by G.D. Gulia in the context of fictionalized biographies is analyzed. The main subject of the book is art of poetry. Gulia recreates an outline of life of M.Yu. Lermontov, but also offers the unique vision of the subject «poet and poetry» in which are combined both sendings to Bible and Christian tradition, and philosophical reasonings on nature of creativity and destiny of the creator, and description of personal spiritual experience.

Keywords: Gulia, Lermontov, fictionalized biography, poet and poetry

«Жизнь и смерть Михаила Лермонтова» Г.Д. Гулия (книга-роман, как определяет жанр сам автор; 1970–1975 гг.) относится к беллетризованным жизнеописаниям, которые создавались и А. Моруа, и Б. Зайцевым, и А. Труайя. Анализируемая книга наполнена датами и фактами, написана на основе кропотливого изучения писем (в первую очередь – самого Лермонтова), свидетельств очевидцев и современников (Е. Сушкова, М. Семевский, Ф. Боденштедт и др.), оценок потомков (А. Блок, К. Симонов, М. Дудин и др.),

мнений исследователей (И. Андроников и др.) и первых биографов поэта (В. Хохряков, П. Висковатов).

Небезынтересно было бы установить, как представлена в романе личность поэта, на основе каких источников идет воссоздание его внутреннего облика и внешней биографической канвы, а также то, как изображена эпоха Лермонтова. В рамках нашей статьи мы ставим себе целью анализ еще одной важнейшей темы «Жизни и смерти...» – темы искусства. Однако обращает на себя внимание то, что в книге относительно мало цитат из лермонтовских произведений. «Мне могут сказать: а не слишком ли мало разбора самих произведений Лермонтова? Что на это можно ответить? Я пишу не школьное пособие, и нет лучшего “разбора” произведений поэта, чем чтение его книг» [Гулиа 1980: 15]. Поэтому поэт раскрывается прежде всего в конкретных жизненных ситуациях: дома, в пансионе, среди друзей и однополчан, во взаимоотношениях с женщинами (чистая любовь к Лопухиной, «светское» увлечение Сушковой, увлечение Щербатовой), в свете («Как бы тесно ни был связан Лермонтов со “светским” обществом, с дворянством, которое в общем верховодило в этом обществе, поэт чувствует свое отчуждение» [Гулиа 1980: 172–173]), на Кавказе. В ряде случаев, когда автор жизнеописания сталкивается с нехваткой фактов о жизни своего персонажа, он это прямо оговаривает, высказывая, впрочем, свои предположения. Например: «Как полагается, у крещеного были восприемники: бабушка Елизавета Алексеевна и коллежский асессор Фома Хотяинцев. Был ли младенец крещен в церкви или дома? Об этом нет точных данных. Но, по-видимому, дома; едва ли недельного ребенка понесли бы в церковь, учитывая состояние его здоровья, здоровье его матери и октябрьскую погоду. В прежнее время довольно часто крестили дома...» [Гулиа 1980: 30]. Если же Гулиа известны противоречивые свидетельства о каком-либо событии, он анализирует все имеющиеся данные, пытаясь прийти к какому-либо выводу; например, Шан-Гирею и Ростовчиной принадлежат взаимоисключающие высказывания о том, вместе с бабушкой или сам приехал поэт в Петербург в отпуск из своей второй ссылки; исследователь жизни и творчества С. Иванов, на итоги разысканий которого Гулиа ссылается, приходит к выводу, что неправы и Шан-Гирей, и Ростовчина (она пишет о том, что Елизавета Алексеевна не успела на встречу с внуком; см. [Гулиа 1980: 203–204]). В некоторых случаях Гулиа не решается – видимо, за недостатком данных – высказывать какие-либо предположения и задает ряд вопросов. Так, повествуя о смерти отца поэта, автор романа вопрошает: «Так почему же все-таки Михаил Лермонтов не присутствовал на похоронах отца? Не разрешила ехать бабушка? Поздно сообщили? Или вовсе не сообщили?» [Гулиа 1980: 67].

Суждения о судьбе Лермонтова, о его поэзии вписываются автором книги-романа в библейский и – шире – христианский контекст. Так, о рождении Михаила Юрьевича говорится: «В мире творилось что-то странное: в эту ночь над московским домом у Красных ворот позабыли зажечь звезду. И волхвы не искали сюда дороги. Может быть, потому, что в небе не оказалось

путеводной звезды. Но скорее всего другое: вот уже восемнадцать веков тому, как мир не видел чудес и позабылись времена, когда “солнце останавливали словом, словом разрушали города”» [Гулиа 1980: 16]. Или, повествуя об учебе Лермонтова в Благородном пансионе, Гулиа добавляет: «...почти ежедневно от Молчановки до Тверской (от дома до пансиона. – Е. С.) вышагивал широкоплечий, большеглазый юноша, сама встреча с которым, если бы кто-либо узнал в нем будущего пророка, была бы величайшей наградой для любого мыслящего человека. Однако нимбы исчезли давным-давно. Еще во времена библейские» [Гулиа 1980: 73]. Последняя глава книги, посвященная последней дуэли и гибели Лермонтова, озаглавлена «Дорога на Голгофу». Однако автор ставит вопрос о Божьей справедливости: «Мы еще увидим, насколько справедлив был бог, пославший своего сына на Голгофу и ничего не сделавший для того, чтобы спасти, для того, чтобы оградить его от издевательств центурионов. И мы увидим еще, сколь несправедлив оказался он к тому смуглому, большеглазому ребенку, которого приняли священные ясли в осеннюю ночь у Красных ворот» [Гулиа 1980: 24].

Неоднократно затрагивает Гулиа и такой аспект темы «поэт и поэзия», как возможность предугадать будущий талант. Описывая детство Лермонтова, автор рассуждает (в нашей статье мы позволим себе приводить довольно пространные цитаты целиком): «Можно ли уверенно предсказать будущий талант ребенка? Едва ли. К шестнадцати-девятнадцати годам человек претерпевает довольно серьезные духовные и физические изменения. Ни те, ни другие нельзя рассматривать обособленно. Поэтому прогнозирование сильно усложняется. Моцарт очень рано проявил свои способности. И Пушкин тоже. По-видимому, талант так или иначе уходит корнями в раннее детство. И в то же время можно задать такой вопрос: можно ли было “увидеть” в хилом ребенке великого Ньютона? Кто бы распознал в двадцатилетнем юноше, ничего не умеющем делать по-настоящему, будущего О’Генри? Не задним числом, а с помощью гаданий, хотя бы при содействии современного компьютера или каким-либо иным способом. Может ли самый тонкий психологический анализ открыть в подростке будущего прозаика? Едва ли, поскольку развитие такого таланта очень тесно связано с накоплением разнообразного жизненного опыта. Особенно в наше время, когда наука вторгается во все поры жизни, когда искусство и литература должны быть на гребне научного познания бытия. Поэтому лично я не очень верю, чтобы в семидесятые годы двадцатого века вдруг объявился гениальный прозаик двадцати-двадцати пяти лет от роду. Может, чувства у него вполне достанет, но что касается суммы знаний и жизненного опыта – сомнительно. И в то же время литература такая порой загадочная область, что не знаешь, что когда найдешь и когда что потеряешь» [Гулиа 1980: 41]. В приведенной цитате обращает на себя внимание то, что автор жизнеописания, рассуждая о Лермонтове, делает философские обобщения о природе творчества и проводит параллели с современной ему – Гулиа – жизнью и с судьбой крупных талантов разных стран и эпох. Чуть дальше Гулиа продолжает: «Мишель, вооруженный игрушечной саблей, носился по аллеям парка с гиканьем и визгом. Орава де-

ревенских ребятишек, которых лично опекала ради внука Елизавета Алексеевна, многогласно повторяла военные кличи всех времен и народов. ...И какой мудрец предсказал бы великое будущее этому ребенку? И существует ли... на свете возможность для точных предсказаний? То есть можно ли распознать в человеке поэта, которого еще не потребовал “к священной жертве Аполлон”? Пушкин в том же стихотворении, откуда взяты эти слова, отрицает эту возможность. Может, кто-нибудь возьмется опровергнуть его?» [Гулия 1980: 43]. Рассказывая о стихотворных опытах юного Лермонтова в годы его учебы в Благородном пансионе, Гулия задается вопросом: «По этим стихотворениям (написанным в Благородном пансионе. – Е. С.) Мишеля можно ли сказать, что мы уже имеем дело с поэтом, с будущим настоящим поэтом? Думаю, что нет. Стихи слишком ординарны, слишком подражательны. Так наверняка писали многие» [Гулия 1980: 62].

Повествование о Лермонтове заставляет Гулию задуматься о психологических тайнах творчества и проводить самые неожиданные параллели: «Как-то в 1936 году я встретил в Сухуми Александра Фадеева. Я спросил: “Отдыхаете?” Он ответил: “Вроде бы. Но разве уважающий себя литератор выключается от работы, даже на отдыхе? Голова забита, – заключил он, смеясь, – различными литературными делами и мыслями”. Если это верно применительно к серьезному писателю, то трижды – к Лермонтову» [Гулия 1980: 166].

Отмечает Гулия и осторожное отношение Лермонтова к своим текстам, выражающееся в том, что он не спешил выносить их на суд публики: «Лермонтов писал много. Но мало кому показывал свои стихи. Тем более не носил он их издателям, в отличие от некоторых сегодняшних нетерпеливых молодых авторов. Здесь еще не место говорить о ранней профессионализации, которая, на мой взгляд, является бичом поэзии и литературы вообще» [Гулия 1980: 72]. В данной цитате мы видим, что Гулия не просто отмечает факт биографии Лермонтова, но, отталкиваясь от этого факта, вновь пытается высказать соображения о природе творчества и находит связи между «веком нынешним и веком минувшим». А вот как бы продолжение этих размышлений: «Я часто думаю об океане поэзии, который грозит потопить нас. Что касается истинной поэзии – её-то как раз с гулькин нос. В связи с этим я как-то сказал одному моему другу-поэту, что не надо писать много, вернее – пиши сколько угодно, но публикуй стихи с большим выбором. На это он ответил: “А кормить меня будет Пушкин?” Это большое несчастье – ранняя профессионализация. Стихи в молодые годы никого кормить не обязаны и кормить не могут. Причина простая: хорошие стихи пишутся редко и надежда на “прокорм” ими слаба. По-моему, надо иметь еще какое-то “дело”, кроме поэзии. До той поры, пока ты позарез не будешь нужен людям. Говорят, Роберт Фрост не мог “кормиться” стихами до пятидесяти лет и стал профессионалом, лишь перейдя во второе пятидесятилетие...» [Гулия 1980: 75].

Гулия размышляет над тем, что было бы, если бы Лермонтов стал «профессиональным» поэтом: «...Лермонтов мог бы “профессионализироваться” в самые ранние годы, т. е. перейти на бабушкино иждивение – и писать

себе стихи. Ей-богу, бабушка была бы очень довольна! Но боюсь, что мир мог бы потерять при этом воистину великого поэта. Ходил бы этаким двадцатилетний Лермонтов по Москве и Петербургу, захаживал бы к Краевскому – что-нибудь напечатали бы. А не печатают – тоже не беда: бабушка под боком! Исправно посещал бы балы, маскарады, пил бы по ресторанам, слыл бы за славного малого. Одним словом, промышлял бы стишками по разному поводу. Согласитесь: ведь возможен был и такой вариант. Но все сложилось так, как сложилось: Лермонтов прошел в жизни свой собственный путь» [Гулия 1980: 97]. Отметим, что Гулия не единожды пытается рассуждать, «что было бы, если бы...». Рассказывая историю непоступления Лермонтова в Петербургский университет, Гулия рассуждает: «Я спрашиваю вас: допустим на минутку, что Лермонтов поступил в Петербургский университет, окончил его и стал степенным чиновником. Что же тогда? Появился бы, например, рассказ “Тамань”? А “Бэла”? А “Герой нашего времени” в целом? Едва ли. Возможно, родилось бы нечто другое. Возможно. Но – “без бури”? Откуда бы ее взять в каком-нибудь департаменте, куда его наверняка пристроила бы бабушка? А впрочем, гений, наверное, нашел бы свою тему. И бурю... Везде... На то он и гений!..» [Гулия 1980: 95] Таким образом, косвенно ставится вопрос о взаимосвязи жизни (так сказать, внешней биографии) писателя и его творчества. Видимо, своего рода ответ на этот вопрос мы находим в следующих рассуждениях романиста относительно поступления поэта в школу гвардейских юнкеров: «Ну как, будем ли мы жалеть Лермонтова и сочувствовать ему? Думаю, что нет. Не может талант развиваться на чисто литературной или околотитулярной почве, где значительно суживаются и опыт, и знание жизни. И мы скоро увидим, что эта перемена не убила Музу Лермонтова. А может, даже закалила ее» [Гулия 1980: 96]. Вопрос о том, как связаны жизнь и творчество, возникает именно в связи с «профессионализацией» поэзии: «Я хочу вернуться к месту, где говорил о том, чтостряслось бы с Лермонтовым, ежели б он поступил в Петербургский университет. Мне кажется, что у него была возможность избрать и третий путь. Я сейчас скажу какой. Мне эта мысль пришла в голову, когда я припомнил некоторых знакомых мне молодых поэтов. Едва такой поэт издаст сборничек или окончит Литературный институт – как тотчас объявляет себя профессионалом, а в один черный день выясняется, что вовсе он и не поэт. А он уже лыс, а он уже оброс семьей, а семью надо кормить...

В великолепных стихах “Баллада о цирке” Александр Межиров, как мне кажется, верно “ответил” на очень важный вопрос: можно ли “оторвать” жизнь, работу от поэзии? (Я нарочно огрубляю формулировку этой деликатной проблемы...)

А мысль стихотворения такова:

Если литературное дело не клеится – надо найти в себе мужество и вернуться к настоящему, полезному для тебя и других делу.

Литература – вещь серьезная, сложная. Трудно давать здесь рецепты. Но ясно одно: она не может существовать и развиваться вне жизни, вне ее течения. Сама литература есть изумительнейшее проявление этой жизни,

одного из ее аспектов, граней ее. Человечество не может обойтись без нее. Эту мысль хорошо выразил Уильям Сароян. Я хочу привести его слова: "... Пишут кинофильмы, пишут пьесы, рассказы, стихи, романы, письма. Они садятся и пишут, и пишут, и так же, господа, поступаю я. Это чудовищно, это смешно.

И это моя профессия, самая замечательная из всех, но одновременно и смехотворная"» [Гулиа 1980: 96–97].

Особенность авторского повествования такова, что в тексте часто встречаются слова «я» («я уже говорил», «я думаю» и под.), «мне» («мне кажется», «мне хочется привести...» и под.; абсолютно обоснованно утверждение критика: «Даты и факты, письма, свидетельства очевидцев и современников, оценки потомков, мнения ученых – все это сплавлено воедино, обрело смысл и цельность лишь благодаря живому голосу автора, его ненавязчивому, но постоянному "присутствию". Хроника цементируется активной авторской мыслью» [Барабаш 1980: 3]). Примечательны и иного рода авторские комментарии к повествованию; например, рассказывая о первой поездке Лермонтова на Кавказ, куда его отвезла бабушка, Гулиа вставляет в текст книги очень поэтическое рассуждение – рассуждение не только о герое своей книги, но и о человеческой природе и о себе самом: «Независимо от наклонностей юной натуры, перемена мест – всегда большое событие: расширяется представление о мире, накапливаются впечатления, приобретается опыт. С этой точки зрения поездка на Кавказ такое же событие в жизни ребенка, как и поездка юного горца в среднерусскую равнинную полосу. Обширная степь и хлебное море производят не меньшее впечатление, чем Эльбрус или Казбек на жителя Тамбовщины или Мещёры. Я это могу говорить хотя бы на основании своих личных переживаний (Гулиа – русский писатель абхазского происхождения, уроженец Сухуми. – Е. С.). В свою первую поездку в Москву, где-то за Курском, ранним утром я увидел колыхающиеся хлеба. Стелился легкий туман. И я долго не мог понять, какое это море волнуется за Курском (я не сомневался, что это море или огромное озеро). И это впечатление у меня – на всю жизнь...» [Гулиа 1980: 47]

Таким образом, Г.Д. Гулиа в книге-романе «Жизнь и смерть Михаила Лермонтова» продолжает традицию беллетризованных жизнеописаний в русской и европейской литературе. Он не только воссоздает канву жизни М.Ю. Лермонтова на основании документальных материалов и научных исследований, но и предлагает свое уникальное видение темы «поэт и поэзия», в котором сочетаются и отсылки к Библии и христианской традиции, и философские рассуждения о природе творчества и судьбе творца, и описание своего личного духовного опыта.

ЛИТЕРАТУРА

Барабаш Ю. Мгновения вечности (Об исторической прозе Георгия Гулиа) // Гулиа Г.Д. Жизнь и смерть Михаила Лермонтова. Сказание об Омаре Хайяме. М.: Художественная литература, 1980. С. 3–12.

Гулия Г.Д. Жизнь и смерть Михаила Лермонтова // Гулия Г.Д. Жизнь и смерть Михаила Лермонтова. Сказание об Омаре Хайяме. М.: Художественная литература, 1980. С. 15–225.

Сведения об авторе:

Екатерина Владимировна Суровцева,
канд. филол. наук
научн. сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Ekaterina V. Surovtseva,
Candidate of Philology
Research Associate
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
surovceva-ekaterina@yandex.ru